
Николай ГЕНОВ

Тенденции и парадоксы социальной рационализации

В восторге от побед и в печали от поражений нации неповторимы. Но причины эмоционального порыва часто бывают отрезвляюще сходными. Именно так обстоят дела сегодня в Восточной Европе. В странах этого региона происходят разнообразнейшие события, в которых воплощены тенденции, общие в своей основе.

Наиболее очевидна тенденция к демократизации политических институтов. В условиях благоприятной международной обстановки возникают новые партии, новые элиты приходят к власти. Развивается парламентская демократия, подпитываемая плюрализмом форм собственности и культуры.

Этот процесс легко можно представить как реставрацию. Но реставрацию чего? Ведь из всех стран региона в период между двумя мировыми войнами лишь в Чехо-Словакии имелась функционирующая парламентская демократия. В то же время везде были созданы промышленные комплексы, которые требуют технологической и экономической организации, немислимой до второй мировой войны. В результате индустриализации и урбанизации качественные изменения произошли в социальной базе политики. А образцы культуры, которые привлекают молодежь Восточной Европы, совсем не полувекковой давности. Они типичны и для наиболее развитых стран современного мира.

Поэтому едва ли можно оценить переживаемые события как реставрацию в точном смысле слова. Последовательность в экономическом, политическом и культурном развитии региона была прервана слишком резко. Более точно происходящие преобразования было бы представить как всеохватывающее приспособление к качественно изменившимся внутренним и внешним условиям, как попытку осуществить широкомасштабную социальную рационализацию.

Это комплексный процесс, и состоит он из многих самостоятельных течений. Переход к парламентской демократии — лишь одно из них, хотя и имеющее ключевое значение. Здесь при внимательном рассмотрении можно обнаружить почти идентичные черты перехода к демократии в Восточной Европе и в некоторых странах Юга континента или даже Латинской Америки. Но при всем сходстве не следует забывать и исторически сложившихся специфических обстоятельств, причин глубоких социальных изменений в Восточной Европе, надо помнить о протекающем процессе

Генов Н. — профессор, доктор философских наук, председатель Национальной комиссии по социальным наукам, вице-президент Болгарской социологической ассоциации, заведующий отделом глобального и регионального развития Института социологии БАН. Публикуемая (с небольшими сокращениями) статья взята из болгарского журнала «Социологически проблеми» (1991, № 1).

социальной рационализации. Какие конфликты и противоречия приводят его в движение? Каково специфическое содержание перехода к демократии в регионе? Каковы его перспективы?

Рационализация коллективной деятельности

Для социологов бесспорной истиной является следующее утверждение: развитие техники и технологии привело к тому, что сильная иерархизация решений, действий и контроля перестала быть столь же эффективной, как на ранних этапах индустриализации. Интеллектуализация труда делает централизацию постановки задач и стимулирования их выполнения все менее соответствующей природе трудового процесса. Он требует высокой степени эмоциональной и интеллектуальной самоотдачи, инициативы и ответственности со стороны индивидов и групп. Поэтому современное производство предполагает децентрализацию ответственности, участие индивидов и групп * в принятии решений и в контроле технологических, экономических, политических и культурных процессов.

Тенденция к демократизации усиливается в ходе смены поколений. Более образованные молодые люди бросают вызов патерналистским отношениям. Молодежь менее комфортно чувствует себя в иерархических экономических и политических структурах и, напротив, открыта для динамичных правил и ролевых образцов демократической политической игры.

В восточноевропейских обществах утвердилась и с некоторыми модификациями сохранялась в течение продолжительного периода сильно централизованная система производства, политической и культурной жизни. В ее рамках была осуществлена индустриализация и создана система общественных гарантий для развития и социальной реализации каждого индивида. На этой основе страны региона играли в целом существенную роль в международной политике. Но их социальная организация не выдержала вызова времени. Централизованная экономическая и социальная система требует и вознаграждает подчинение. Инициатива воспринимается при ней как законная в том случае, когда проистекает из самого центра политической власти или проявляется в полном соответствии с установленными им правилами.

Сегодня трудно доказывать, что этот полувоенный тип социальной организации был исторически неизбежен для Восточной Европы. Несостоятельна апелляция к таким факторам, как враждебное международное окружение или признанные ошибки руководителей, для обоснования тезиса о том, что пройденный нами путь — это лишь деформированное, извращенное развитие по существу прогрессивного и гуманного проекта. Ныне очевидно, что в сильно централизованных социальных организациях есть центры неизбежных социальных конфликтов и напряженности. Их эффективность при решении проблем, связанных с концентрацией ограниченных ресурсов, оборачивается появлением и воспроизведением парадоксальных ситуаций, подрывающих социальную рациональность в длительной перспективе.

Прежде всего в централизованной общественной системе складываются парадоксальные несоответствия между рациональностью субъектов и ситуацией, в которой они действуют. В течение десятилетий ситуация характеризовалась господством государственной собственности. Такая организация экономики фактически ликвидировала одно эволюционное достижение в развитии цивилизации — рыночную конкуренцию. И хотя национализация средств производства задумывалась как противоядие против нежелательных проявлений рыночных отношений — кризисов перепроизводства и отчуждения, — массированное вмешательство государства в естественный ход эко-

комических процессов вызвало свои нежелательные последствия, которых не предвидели социальные реформаторы.

Основное из них — замедленное технологическое обновление из-за недостатка личной инициативы и ответственности. Но это, в сущности, наиболее явный факт общей неадекватной трудовой мотивации, подрывавшей экономическую жизнь в восточноевропейских странах. Всюду проявлялись типичные примеры разложения трудовой этики, хотя и с некоторыми модификациями, обусловленными действием национальных традиций и исторических обстоятельств. Недостаток стимулов к труду внутренне присущ централизованным социальным системам с доминирующей государственной собственностью. Идеологическое воздействие или просто житейская необходимость зарабатывать на хлеб могут компенсировать его и не полностью, и временно. В длительной перспективе неизбежны экономическая неэффективность, появление новых форм отчуждения, массовая неудовлетворенность условиями и результатами труда и условиями жизни.

Это одна сторона медали. Другая — расходы, необходимые для поддержания бюрократического контроля, заменяющего рыночные механизмы. Перераспределение доходов, призванное обеспечить эффективность бюрократии, негативно отражается на инициативе, ответственности и стимулировании труда больших групп. Круг замыкается: структурные недостатки централизованной экономической организации приводят к появлению постоянных дефицитов товаров и услуг, снижается рациональность принимаемых решений и действий индивидуумов, групп и организаций. В свою очередь дефицит в деятельной рациональности воспроизводит иррациональность. Наиболее заметный результат этого — уменьшающаяся отдача новых капитальных вложений.

В данном случае важна не столько проблема общей экономической неэффективности, сколько то, что ситуация была навязана экономике политическими средствами для достижения политических целей. Основанием для подобного утверждения служит тот факт, что экономическая монополия государства, в сущности, была связана с доминирующим положением одной партии в политической жизни. В таких условиях политика, создавая видимость «всенародного одобрения», глубоко пронизывает все сферы общества, и особенно экономику. Но это парадоксальная политика, которая препятствует отдельным группам открыть и законно отстаивать собственные интересы.

Проблема заключается не только в том, что видимость безусловного политического единодушия обманчива. Не менее важно и то, что искусственная сверхполитизация общественной жизни переходит в свою противоположность, порождая еще один дефицит — дефицит политической инициативы и ответственности. Он является результатом подавления гражданского общества и порождает новые ограничения рациональности политической системы. Еще более важная и фундаментальная проблема состоит в том, что полная политизация экономической жизни и подавление гражданского общества ведут к регрессу в формах дифференциации социальной системы. На коротком отрезке времени централизация и сверхинтеграция могут быть эффективными, но в длительной перспективе они действуют как саморазрушительная сила.

Поэтому переход к демократии в Восточной Европе связан с глубокими и всеохватывающими изменениями институциональной структуры общества и, в первую очередь, с ликвидацией монополии в политической и экономической жизни. Порочный круг взаимного усиления иррациональных тенденций и процессов в экономике и политике должен быть разорван. Пути решения данной задачи проходят через либерализацию экономики; ее освобождение от государственной опеки. В конкретно-историческом контексте это означает переход к плюрализму форм собственности и развитию

действительно рыночного обмена. Эти шаги в направлении рационализации экономической жизни одновременно являются шагами по пути политической рационализации. И действительно, во всех восточноевропейских странах экономические и политические реформы осуществляются параллельно с известным опережением в политической сфере.

Это совсем не простые для решения задачи. Отсутствует разработанный и проверенный на практике механизм трансформации государственной собственности в частную, проведенной в таких масштабах. В регионе нет свободного частного капитала, который можно было бы быстро и эффективно вложить в частнопредпринимательскую деятельность. Широкомасштабное же подключение иностранного капитала может привести к труднопредсказуемым последствиям. Ситуация исключительно напряжена и потому, что практически все восточноевропейские страны испытывают трудности в ходе приспособления к требованиям мировых рынков. Особенно это относится к тем, кто имеет большую внешнюю задолженность. Не на последнем месте по значению и то обстоятельство, что в восточноевропейских странах отсутствуют демократические традиции. Политическая культура в регионе пронизана идейными и институциональными образцами авторитаризма. Политическая победа воспринимается широкими слоями населения как неизбежное моральное и даже физическое уничтожение оппонента.

Поэтому проблемы осуществляемой в Восточной Европе социальной рационализации сходны, но далеко не идентичны с тем, с чем столкнулись Испания, Португалия или Греция в процессе их перехода к парламентской демократии. Задача состоит не просто в воссоздании демократических правил, политической игры, включая и демократическое регулирование рынка. Настоящей задачей является восстановление рыночного обмена и формирование новых эффективных механизмов его политического регулирования. В них необходимое условие для достижения такого состояния политической жизни, которое стимулирует рациональность индивидуумов и групп. А это скорее всего будет способствовать повышению общего уровня рациональности экономической и политической ситуации в регионе.

В сущности, изменения в сторону социальной рациональности ясно видны. Реальностью стала нормализация политической жизни. Авторитарная политическая организация потеряла опору, сформировалась демократическая оппозиция, были проведены демократические выборы. На повестку дня встала приватизация собственности в народном хозяйстве (хотя в каждой стране она имеет свои особенности). Частные предприниматели и демократические политики усиливают социальное влияние, опираясь на реальную экономическую и политическую власть.

Не следует переоценивать все эти процессы. После исчезновения основных институциональных и информационных барьеров стало ясно, насколько глубока экономическая, политическая и культурная дифференциация. Специфические интересы получили организационную автономию, но в результате на передний план вышли социальные конфликты и напряженность, которые ранее подавлялись или не принимались в расчет. Их регулирование неэффективно, так как правила демократической политической игры еще однозначно не сформированы, не приняты широкими слоями населения и не соблюдаются ими. Примеров дисфункциональности множество. Можно без колебаний сделать обобщение, что дисфункциональность неизбежна при переходе к демократии, особенно в условиях экономического и культурного кризиса. Ни для кого не тайна, что нестабильные ситуации провоцируются силами, склонными противодействовать демократической политике. На повестку дня выходит политический терроризм, попытки ввести чрезвычайное положение, блокировать деятельность демократически сформированных правительств.

Трезвая оценка ситуации позволяет, однако, сделать вывод, что нынешние

дисфункции в отношениях между общественными силами Восточной Европы — это не исторические случайности. Это, в сущности, частное проявление хронических недостатков и слабых сторон демократии, особенно остро проявляющихся в условиях нестабильности политических институтов и неразвитости политической культуры. Успокаивает лишь то, что и политики, и широкие слои населения постепенно начинают понимать, что парламентская демократия имеет свои недостатки и даже может работать на холостых оборотах. Более того, она может сама себя блокировать и даже при определенных условиях идти к самоуничтожению.

К этому может подталкивать напряжение между рациональностью действующих индивидов и специфической рациональностью отдельных коллективов. Централизованное планирование задумывалось как способ реализации рациональности наций, рассматриваемых в качестве больших коллективов. Однако вопреки благим намерениям часто наблюдалось нечто противоположное. Вместо обслуживания интересов всего общества централизованная экономическая и политическая система начинала обслуживать интересы отдельных групп и даже индивидов. Такая подмена целей привела к последствиям, подорвавшим рациональность во всех сферах социальной жизни.

Но теоретически более существенными являются трудности, возникающие в процессе преобразования рациональных решений и действий индивидов в коллективные решения и действия. М. Олсын и его последователи утверждают, что такой переход от индивидуальной к коллективной рациональности, в сущности, невозможен. Здесь кроется теоретическая основа для утверждений, согласно которым политической жизни внутренне присуща иррациональность именно из-за необходимости перевода индивидуальных предпочтений в коллективные, чтобы стали возможны коллективные решения и действия.

Несомненно, есть достаточно примеров коллективной иррациональности и в составе демократически избранных парламентов Восточной Европы. Но все же это меньший парадокс по сравнению с предыдущим историческим периодом, когда узкий круг политической элиты выбирал в соответствии со своими личными или групповыми интересами секретарей, наделявших неограниченной властью, но не обладавших интеллектуальными и моральными качествами, которые позволили бы эффективно использовать ее на общее благо.

Ключевой проблемой здесь становится необходимость выработки эффективных контрольных механизмов, способных ограничить иррациональность, возникающую при переходе от индивидуальной рациональности к коллективным решениям и действиям. Разделение законодательной, исполнительной и судебной властей — наиболее значительный шаг в этом направлении. Поэтому оно находится в центре политических реформ во всех восточноевропейских странах. Цель состоит в рационализации подготовки и осуществления коллективных решений, но также и в создании социального порядка, который обеспечивал бы доступ к коллективным благам максимальному числу индивидов. В данном контексте эта руководящая идея традиционных демократий не просто тема теоретических и идеологических дискуссий, но и актуальнейшая практическая проблема, поскольку действует сильная тенденция к быстрому накоплению частного капитала за счет ослабленной системы социального обеспечения широких слоев. Конечно, до определенной степени эта тенденция соответствует процессам индивидуализации, протекающим в наиболее развитых демократических обществах. Но в странах, только что присоединившихся к клубу демократических государств, существенно опасность разрушения социального порядка, исходящая от многочисленных и активных эгоистов.

Поэтому в споры о соотношении между индивидуальной и коллективной

рациональностью органично вплетена проблема отношений между рациональностью целей и рациональностью средств или, говоря другими словами, инструментальной и содержательной рациональностью. Разграничение здесь относительно, поскольку то, что является средством в одном контексте, может быть целью в другом. Действительно, в данном случае проблемы становятся более ясными, когда вносится уточнение, что в спорах о характере содержательной рациональности чаще всего имеют в виду основные, «ко-нечные» цели и ценности человеческой деятельности.

При переходе к демократии идет двусторонний процесс рационализации целей и средств. Преодолевается политически мотивированная сверхидеологизация культуры. Действительно, разочарование в официальных целях социального развития наступило уже давно, поскольку пропаганда вступала в явное противоречие с окружающей действительностью. Но разочарования подобного типа имеют и побочный эффект — они вызывают ревизию всей ценностной системы. Инструментальные ценности трансформируются в конечные цели деятельности широких групп. М. Вебер предвидел эту тенденцию в развитии современных обществ. Но трудно спорить с тем, что она приобрела особенно драматические формы в Восточной Европе из-за политического изгнания традиционных верований и практики.

Сейчас наблюдается противоположный процесс. Волна демократизации оживила конечные ценности, воплощенные в праве на частную собственность, в свободе слова и совести. Тема экологического риска стала самостоятельным центром основных ценностей, оставляя в прошлом технократические подходы и бюрократическую секретность. Конечные цели индивидуального человеческого существования вышли на передний план в процессе развития парламентской демократии и всего процесса социальной рационализации.

Изменения имеют и другую сторону. Долгое время официальная идеология делала упор на разделение ценностей в соответствии с принципом классовых различий в идеологической сфере. Переход к демократии связан со смещением акцентов — на передний план выходят универсальные человеческие ценности, неоднократно сформулированные различными религиозными учениями. Их возрождение — это не просто возвращение к осознанному смыслу деятельности, но и стремление к осмыслению будничных проблем сквозь призму универсализированного мировоззрения. Тем самым также утверждается и универсальное согласие по некоторым инструментальным целям, например по вопросу о необходимости развития рыночного обмена.

Но и тенденцию к универсализации ценностей не следует переоценивать. Вместе с новыми формами социальной дифференциации в соответствии с размерами дохода, наличием власти и престижа возникает и новая поляризация в сфере ценностей. Поэтому совершенно нереально рассчитывать на вечный мир в дискуссиях о ценностных предпочтениях. Напротив, поверхностное идеологическое единодушие предыдущих десятилетий заменяется новыми драматическими спорами о содержательных и инструментальных ценностных приоритетах. Остается надежда, что вновь созданные демократические институты будут достаточно устойчивыми и идеологические различия между отдельными личностями, группами и организациями не перейдут в насилие.

Споры о напряженности и конфликтах между действующими факторами и ситуацией, в которой происходит их деятельность, между индивидуумами и коллективами или между содержательной и инструментальной рациональностью требуют времени. Время необходимо и для изменения поведенческих и организационных структур. Поэтому время требует к себе специального внимания, так как является ключевым параметром социальных изменений, включая и переход к демократии.

Временные измерения социальной рационализации

Современные социальные процессы чрезвычайно насыщены событиями. Это позволяет настаивать на том, что социальное время имеет тенденцию к ускорению. Действительно, время становится все более дефицитным ресурсом. Парадокс, однако, состоит в том, что вместе с драматическим ускорением социального времени усиливается и стремление к обеспечению еще большей скорости изменений, к еще более радикальным преобразованиям. Восточноевропейцы переживают именно такой период самоусиливающегося нетерпения, являющегося реакцией на десятилетия, когда либо не было изменений, либо они происходили очень медленно.

В таких условиях ключевой проблемой становится возможность того, что ускорение социального времени выйдет из-под контроля. На практике это означало бы разрушение социального порядка. Данная опасность вполне реальна в условиях массового стресса, вызванного социальными дисфункциональностями при переходе к демократии. В ряде случаев насыщенность событиями достигает границы взрыва. Становятся возможными непредусмотренные и неуправляемые процессы — по крайней мере в отдельных частях восточноевропейского региона.

Ускорение социального времени является весьма важной с практической и познавательной сторон проблемой. Тем не менее это одна из многих проблем, связанных с временем в процессе изменений и с временем происходящих изменений. Можно очертить и другой самостоятельный круг проблем, например баланс деятельности, ориентированной к будущему и к настоящему. Иными словами, эти проблемы относятся к отношениям между презентативной и перспективной рациональностью. Данная проблематика жизненно важна не только для дискуссии о рациональности, но и для судьбы современной цивилизации.

В современных обществах ориентация на «конечную реальность» фундаментального смысла бытия и на долгосрочные цели деятельности сильно воздействует на повседневную жизнь (как, впрочем, и во всех известных обществах). Но особенность современной цивилизации состоит в том, что и над «конечным смыслом», и над повседневной жизнью доминируют проблемы и перспективы того, что находится «здесь и сейчас». Именно в этом цивилизационном контексте восточноевропейские общества попали в капкан двунаправленной шизофрении.

С одной стороны, подавление традиционных верований и традиций наряду с быстрой индустриализацией и урбанизацией привели к сосредоточению общественного внимания на лишениях и конфликтах будничной жизни. Инструментализация ценностей была дополнена узким временным горизонтом плоской философии выживания, которая овладела микросоциальными отношениями. С другой — официальная пропаганда ориентировала на будущее, стремилась придать необходимый исторический смысл трудностям, наблюдаемым в повседневной жизни. Конфликт стал неизбежным. После немногих лет эмоциональной поддержки наступивших после второй мировой войны изменений во все более широких слоях общества складывались настроения, отрицающие идеологию и практику откладывания на будущее удовлетворения потребностей. Напряжение, вызванное расхождением между обещаниями благоденствия в будущем и существующими в реальной жизни жилищным кризисом, экологической катастрофой, стало неуправляемым.

На этом фоне становится понятно, почему критика, направленная против централизованного долгосрочного планирования, переходит в возражения против долгосрочного регулирования экономических и социальных процессов и против самого регулирования. Конечно, многое в критике практики централизованного планирования имеет серьезное основание, это отмечалось

и учитывалось как в различных проектах экономических реформ, так и в ходе их осуществления.

Но в модной сегодня критике экономического и социального планирования есть и ряд вызывающих опасение элементов. Если они окажутся претворенными в жизнь, то могут возникнуть новые парадоксальные явления, поскольку либеральный рынок по сути своей не способен учитывать и регулировать долгосрочные интересы и процессы. Явная тенденция к реализации быстрых спекулятивных доходов, несомненно, бросает тень сомнения на содержание и перспективы экономической рационализации. Остается надежда, что одно из эволюционных достижений (рынок) не станет утверждаться за счет другого эволюционного достижения — системы государственного регулирования экономической жизни. Те, кто безгранично верит в экономический либерализм, вероятно, знают, что современная политическая демократия не предполагает полностью свободный рынок (*laissez-faire*). Свободного рынка в полном смысле этого слова в современном мире не существует.

Поэтому реальная проблема, которую необходимо решить, заключается в том, как поддержать баланс между спонтанным и краткосрочным действием рыночных механизмов, с одной стороны, и долгосрочным государственным регулированием экономики — с другой. Точнее, цель состоит в том, чтобы достигнуть высокой эффективности от экономической конкуренции, но одновременно обеспечить реализацию технологических, политических и культурных приоритетов в рамках национального коллективного интереса, сохранив при этом природные и социальные условия для будущей экономической активности. Поэтому один из наиболее важных вызовов для демократически сформированных правительств Восточной Европы — обеспечение капитала и инициативы, необходимых для экологизации экономики в регионе, стоящем на краю экологической катастрофы.

Нет сомнений, что наиболее эффективный политический механизм решения проблем — функционирующая демократия, предоставляющая возможность управлять балансом различных, в том числе и противоположных, интересов наиболее рациональным способом. Но остается открытым вопрос: в состоянии ли те, кто вновь присоединился к универсальным образцам демократической политики, достаточно быстро понять, что конкурентный политический рынок не может и не должен концентрировать внимание лишь на сиюминутной выгоде и интересах. Есть основания предполагать, что энтузиазм, вызванный быстрыми изменениями, предрасполагает к переоценке значимости текущего момента за счет долгосрочных целей. Однако проблема сложнее, поскольку опыт восточноевропейских политиков и экономистов не достаточен для эффективного долгосрочного планирования в качественно новых условиях. Более того, сам механизм демократической политики ориентирует на краткосрочное политическое планирование, обусловленное продолжительностью выборного цикла. Можно даже убедительно отстаивать тезис о том, что в этом плане бюрократическая политика может быть более эффективной, так как она изолирована от регулярного демократического контроля. Но плоды бюрократического планирования уже были опробованы, и проверка дала отрицательный результат.

Конечно, баланс между долгосрочными и краткосрочными решениями политических задач не может быть установлен раз и навсегда. Нужно постоянно координировать текущие решения и действия с желаемыми и ожидаемыми результатами в более отдаленном будущем. Другими словами, необходимо постоянно поддерживать баланс между рациональностью процесса и рациональностью промежуточных и конечных результатов. Этот баланс должен поддерживаться в силу необходимости. Но он также дает возможность выбора, поскольку один и тот же результат можно достигнуть

на основе различных процессов, а один и тот же процесс может привести к совершенно различным результатам.

Среди наиболее неотложных и важных задач, которые необходимо решать новым демократам в Восточной Европе,— приватизация государственной собственности. Каков наилучший способ решения этой задачи? Стандартного рецепта для стран, отраслей и даже экономических единиц определенного типа нет. Дискуссионен также вопрос об оптимальном временном интервале, в течение которого должна быть осуществлена приватизация. Ведь нигде в мире не проводился создающий фундамент для демократической политики эксперимент по приватизации всей экономики.

Повторю: сложность ситуации усиливается потому, что экономические и политические процессы взаимозависимы. Политическая демократизация не может быть эффективной без эффективной приватизации экономики. Но правильно и обратное утверждение. Процесс и результаты приватизации зависят от способности развивающейся парламентской демократии осуществить политические реформы. Другими словами, каждый шаг в направлении политических реформ требует стабилизации с помощью экономических реформ, и наоборот. За практическими проблемами подобного рода скрывается перманентная задача целостного и точного анализа процессов, имевших место в прошлом, и их результатов. Была ли сама по себе коллективизация сельского хозяйства исторической ошибкой или к катастрофическому состоянию продовольственного рынка привели насильственная коллективизация и неудачные организационные формы? Вопросы подобного рода являются базой для принятия решений и действий, которые станут оказывать существенное влияние на стратегию и тактику осуществления реформ. Таким образом, прошлое — фактор, служащий ориентиром и определяющий содержание как сегодняшней деятельности, так и будущих процессов и результатов происходящих изменений.

Проблемы, связанные с прошлым, имеют и другое измерение. Некоторые новые экономические и политические организации несут на себе груз прошлого. У других такого груза нет, но это не всегда хорошо. Если у тебя нет прошлого, значит нет и будущего. Это не только предположение, а сложная реальная ситуация для значительных групп. Бюрократам угрожает опасность потерять свое время. В условиях неограниченного информационного потока тысячи людей должны понять, что структурная перестройка и приватизация экономики вынудит их жить и работать в совсем ином режиме, чем тот, к которому они привыкли. А быстрый и резкий разрыв с уравнительными организационными и культурными традициями сопровождается формированием новых и сильно дифференцированных у различных групп временных перспектив.

Нет иного способа осуществить желаемые изменения, кроме реализации хорошо спланированных и умело контролируемых социальных экспериментов. С этой точки зрения, переход к демократии — ряд переходов теоретических структур в практические. В то же время каждый практический шаг вперед вызывает потребность в теоретическом анализе, провоцирует создание и проверку новых программ практических преобразований. Данные процессы требуют времени, но они же требуют формирования и применения теоретических знаний, их внимательной практической проверки.

Познание и практика

Социальные изменения — это и процесс обучения. Предметом познания являются, главным образом, противоречия и конфликты, вызванные неудовлетворенными потребностями. Многообразие технологических, экономических, политических и культурных проблем, оставшихся нерешенными или решавшихся неэффективно, вызвали массовую неудовлетворенность в

Восточной Европе. За личиной стабильного социального порядка и единодушной поддержки официальной идеологии и институциональных структур конфликты приобретали все большую остроту. Но даже эксперты были удивлены степенью наконец выплеснувшегося наружу организованного недовольства. Нет сомнений, сейчас модно выставить себя противником старых режимов и жертвой преследования со стороны прежних правителей. Но и без учета конформистских эксцессов очевидно, что накопились взрывные настроения в пользу изменений. Но как будут осуществляться подходящие программы преобразований?

Несмотря на различные национальные пути развития оппозиционных движений и специфические формы институциональных изменений, все страны Восточной Европы следуют типичным образцам социальной рационализации. Процесс начался с осознания недостатков существующей социальной организации. Бесспорно, во многих случаях знание потребностей, конфликтов, желаемых и возможных решений не получило адекватную познавательную форму. Часто процесс познания проходил под воздействием искаженного сознания.

Широкое распространение получил, например, взгляд, согласно которому лишения и невзгоды вызваны, главным образом, некомпетентностью отдельных личностей, занимающих ключевые позиции. Другое идеологическое клише — объяснение внутренних проблем вмешательством внешних сил. Хотя эти постановки в ряде случаев и получали подтверждение, они отступали под натиском самой природы социальных проблем. Официальная идеология в итоге признала тот факт, что причины недовольства кроются намного глубже: в самой структуре и в системе социального порядка, подлежащего изменениям.

Поэтому сама природа повседневных проблем провоцирует интерес к сложным взаимоотношениям познавательной и практической рациональности. Однако существовавший контроль за формированием и распространением знаний породил парадоксальные формы проявления этого интереса. Публичные дискуссии, как правило, уступали место проявлениям процветающей неформальной политической культуры. На долгое время Восточная Европа стала мощным источником политических анекдотов.

Подобный способ выражения социальной иррациональности обусловлен самой репрессивной природой политической системы. В большинстве восточноевропейских стран было практически невозможно превратить тезис об отклонении от идеала рациональности в практическую деятельность, направленную против существующего социального порядка. Но после 1989 г. ситуация изменилась драматическим образом. Стало естественным искать опору в демократических инициативах. Однако практические проблемы оказались намного труднее и сложнее с точки зрения их решения, чем это ожидалось. Осознание этого факта позволило прийти к выводу, что первоначальная идея об ускорении экономического и социального развития должна перерасти в стратегию осуществления фундаментальных изменений. Доброй приметой, свидетельствующей о значительном потенциале познавательной рациональности, стало осознание многими глубины экономического, политического и морального кризиса. Но это оказалось недостаточным для обеспечения рациональности практической деятельности. Например, вновь возникшие демократические политические силы не смогли подготовить и осуществить эффективные программы действий, способных смягчить остроту кризисных явлений.

В качестве образца желаемой перспективы развития восточноевропейских стран часто приводится модель шведской социальной и экономической организации. Но при этом не анализируются уникальные шведского нейтралитета, уровень квалификации рабочей силы или традиционное единство нации. Кроме того, не упоминаются и нынешние затруднения шведского

государства всеобщего благоденствия. Это типичный пример недостаточно реалистических оценок проблем и перспектив экономического, политического и культурного продвижения к демократической социальной организации. Поэтому парадоксальные ситуации сохраняются: после того как исчезли барьеры перед демократическим формированием общественного мнения и демократической практической деятельностью, решение возникающих проблем не стало проще. Напротив, пришло время трезвой переоценки сильных и слабых сторон рациональности познания и практики.

Долгое время в странах региона лишь одна, причем односторонняя, точка зрения представлялась как имеющая всеобщее значение. Иными словами, субъективная рациональность захватила функции объективной рациональности. В этом кроется ключ к объяснению другого познавательного и организационного парадокса. Усилия по поддержанию познавательной монополии на истину при доминирующих политических отношениях привели к монополии на нее государственных институтов. Сложилось стремление утверждать стандартные критерии истины и принимать только одну ее трактовку в каждом конкретном случае.

Подобная стратегия вольно или невольно оборачивается против поиска объективной истины, которая нуждается в рассмотрении различных точек зрения и в открытых дискуссиях. Институциональная унификация ведет и к унификации мысли, а это никогда не стимулирует поиск истины. Убедительное тому подтверждение — судьба общественных наук в восточноевропейском регионе. Они превратились в особый вариант научной провинциальности, охраняемой под удобным прикрытием идеологической декларации о собственном подходе к достижению объективной истины. Подобные декларации — явный самообман. С небольшими исключениями официальная социальная наука, по существу, поддерживала антидемократическую практику и в обществе, и в самой науке. Лысенковщина нанесла удар не только по биологии и кибернетике, но прежде всего по общественным наукам, и ее последствия сказывались на протяжении десятилетий. В то же время общественные науки (за некоторыми исключениями) оказались не в состоянии спрогнозировать происходящие в настоящее время социальные изменения. Нет сомнения, что развивающиеся демократии должны укреплять познавательную основу социальной рационализации. А это означает, что будут усиливаться и позиции социальных наук. Здесь надо, однако, с сожалением признать, что наука — весьма капиталоемкая отрасль, и в условиях экономического кризиса это создает дополнительные сложности.

У проблемы есть и другая сторона. Крушение идеологической унификации породило целый спектр трудностей и препятствий, стоящих на пути рационального обоснования той или иной точки зрения. Историческим фоном для подобных проблем сегодня является, между прочим, сверхрациональная, упрощенческая идеология, и ранее предлагавшаяся в качестве универсальной основы для достижения инструментальных и конечных целей деятельности. А поскольку жизнь была и остается намного более сложной, иррациональность проникает во все сферы общества.

Эта драма — одна из причин нынешнего интереса к попыткам решить проблему рационального обоснования ценностных предпочтений. И именно в данном контексте возникает серия парадоксальных ситуаций. Наиболее очевидная из них, вероятно, подсказана тем фактом, что широкие группы жизненно заинтересованы в изменениях к лучшему. А ценностные предпочтения отдельных групп различаются и часто оказываются противоположными. Предприниматели увлекаются представлениями о либерализации цен и скорейшем получении прибыли. А лица со скромным или ухудшившимся экономическим положением настаивают на социальной справедливости и связывают ее с представлениями о социальной организации уравнилельного типа.

Поскольку любое представление о необходимом и желаемом будущем должно быть обосновано более или менее рационально, то перспективы устойчивости социального порядка не особенно обнадеживают. Демократическая политика может привести к ряду разочарований и перерасти в анархию, подрывающую ее основы. Приверженцы точки зрения о необходимости поддержания законности и порядка любой ценой могут этим воспользоваться и повернуть вспять процесс демократизации, по крайней мере временно. Такой сценарий маловероятен, но его нельзя полностью исключать. Переход к демократии и социальной рационализации в длительной перспективе неизбежен, но не обязательно это произойдет сегодня или завтра и сразу во всех странах региона.

* * *

Переход к демократии в Восточной Европе — частный случай более масштабной эволюционной тенденции к демократизации. В более общем смысле политические изменения, происходящие в регионе, являются частью всеохватывающего процесса социальной рационализации, которому присуще множество измерений и внутренних противоречий.

Развитие парламентской демократии в восточноевропейских обществах, по сути, связано с провалом организации общества с доминированием государственной формы собственности на средства производства как неэффективного. И политической элите, и широким массам стало ясно, что централизованная экономическая система должна радикально измениться в сторону многообразия форм собственности и уровней, несущих ответственность за принятие и осуществление решений. Альтернатива этому — углубление технологической пропасти между странами восточноевропейского региона и развитыми странами, а в конечном счете распад всей социальной системы, созданной ценой огромных усилий в течение последних десятилетий. Обе тенденции представляют собой экзистенциальную угрозу для малых стран региона с точки зрения как внутренней, так и внешней политики.

Поэтому глубокие изменения в политической организации в сторону политического плюрализма и парламентской демократии вызваны суровой необходимостью. Но этот процесс может поощряться или, наоборот, тормозиться в зависимости от специфических интересов. Баланс сил, обуславливающий движение в том или ином направлении, является результатом сложного взаимодействия индивидуальных предпочтений и решений. Поэтому социальная рационализация — это процесс, в котором господствуют конфликты по каждому отдельно взятому измерению рациональности. Еще более сложен баланс специфических типов рациональности в контексте всего процесса повышения социальной рациональности. Он не может быть прямолинейным. Переход к демократии способен приобретать скачкообразный характер, что и происходит сейчас в Восточной Европе. Но процесс перехода может быть замедлен и даже остановлен. Ничто не предопределено. За демократию и социальную рационализацию необходимо бороться. Эти цели заслуживают усилий!

© Н. Генов, 1992

© Ю. Долуда — перевод на русский, 1992